

Библейско-богословская коллекция
История древней Церкви

Аноним

**ПРАВЫ ХРИСТИАН
СО ВРЕМЕН
КОНСТАНТИНА
ВЕЛИКОГО**

Христианское чтение, 1829,
XXXIII, с. 154-230

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru),
2009

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2009

ПРАВЫ ХРИСТИАНЪ СО ВРЕМЕНЪ КОНСТАНТИНА ВЕЛИКАГО.

Государи Христіанскіе.

Послѣ прехъ вѣковъ гоненія Церковь стала наслаждаться миромъ и свободою. Воздѣлнень былъ сей миръ, какъ соспоянїе, въ коемъ вѣрующіе могли служить Богу безъ всякаго препятствія: но опытъ доказаль, что гоненія были полезнѣе. Впрочемъ нравы, какіе были въ первыхъ прехъ вѣкахъ Христіанства, оставались у Христіанъ еще долгое время; посему нужно здѣсь замѣнить шокмо нѣь особенноти, кои обнаружились шолчасъ съ свободнымъ исповѣданіемъ вѣры.

Первымъ предметомъ, достойнымъ удивленія, предспавляюща Государи Христіанскіе. Въ предыдущихъ вѣкахъ никто не могъ подумать, чтобы сильныя земли покорились шпрогости Христіанскаго ученія; шогда казалось непонятнымъ, какъ уничтоженіе и самоумерщвление могутъ совмѣщаться съ независимую властію и несмѣшнымъ богатшвомъ. Сіе-шо самое, безъ сомнѣнія, зашавило

Тертуллиана сказать *), что Государи давно были бы обращены, еслибы могли быть Государями и вмѣстѣ Христіанами; и Оригена **), назвать переменну, имѣющую произойти въ Государяхъ, такимъ чудомъ, которое можетъ одинъ Богъ явить предъ лицемъ вселенной. Сія—по перемена имѣла существенное вліяніе на происшествія описываемыхъ нами временъ: поелику она была главною причиною свободы церковной.

Вскорѣ по обращеніи Константина появилось имя Иисуса Христа и изображеніе Его креста на знаменахъ Римскаго войска, и то, что доселѣ было орудіемъ позорной казни, стало служить украшеніемъ вѣнцевъ царскихъ. Императоръ имѣлъ въ своемъ дворцѣ особенную комнату, куда ежедневно уходилъ одинъ для чтенія Св. Писанія, и для совершения молитвъ, усвоенныхъ извѣстнымъ часамъ, особливо въ день воскресный, который назначенъ былъ днемъ покоя для самыхъ язычниковъ ***). Въ походахъ повелѣвалъ носить

---

*) Апол. гл. 21.

**) Противъ Цельса кн. 8.

***) Евсев. въ Жизнеоп. Константина, кн. 2. гл.

12. 14. кн. 4. гл. 17. 21.

за собою шаперъ, сдѣланный наподобіе церкви, дабы въ немъ совершались Божественную службу, и допускали вѣрующихъ къ причащенію; за нимъ слѣдовали Священники, Діаконы и даже Епископы, коихъ Императоръ почиталъ спражами своей души. Почти весь Константинополь въ принятіи Христіанства послѣдовалъ примѣру Константина. Навечеріе Свѣтлаго Воскресенія было ознаменовано великолѣпнымъ освѣщеніемъ, не только въ церквахъ, но и внѣ ихъ; по всему городу горѣли большія свѣчи, или лучше, восковые столпы, коихъ сіяніе перемѣняло сію священную ночь въ прекрасный день *). На площадяхъ сего обширнаго города находились водометы, украшенные изображеніями Добраго Паспыря, или Данила во рвѣ львиномъ. Въ немъ не было ни идоловъ, ни храмовъ ложнымъ богамъ. Кому неизвѣстна щедрость, съ какою Константинъ принялъ Опцевъ Никейскаго собора, и почести, копорыя имъ воздалъ? Онъ послалъ колесницы для привезенія ихъ изъ опдаленнѣйшихъ мѣстъ Имперіи, содержалъ ихъ на свой счетъ до самаго окончанія собора, и оппустилъ съ великими

---

*) Тамъ же кн. 3. гл. 48. кн. 4. гл. 22.

подарками *). Онъ сожегъ записки, кои Епископы подавали ему другъ на друга предъ начатиємъ собора **); цѣловаль у исповѣдниковъ раны, оставшіяся памяниками преждебывшихъ гоненій; пришелъ на соборъ безъ спражи, съ видомъ смиренія и духовной подчиненности, и не прежде сѣлъ на мѣсто, какъ по просьбѣ Епископовъ. По окончаніи засѣданія сдѣлалъ для нихъ великій пиръ въ свосемъ дворцѣ, и самъ съ ними сидѣлъ за столомъ. Словомъ, тогда видѣли Иисуса Христа видимо управляющаго самимъ Императоромъ.

Θеодосій великій не меньшую честь воздалъ Религіи исполненіемъ добродѣтелей Христіанскихъ. Онъ молился много, обращался къ Богу во всѣхъ важныхъ дѣлахъ, и Ему приписывалъ всѣ счастливые успѣхи своего оружія. Нѣкогда предался онъ неумѣренному гнѣву пропивъ Θессалоникійцевъ; пресупленіе его было велико, но не меньшее послѣдовало и покаяніе; св. Амвросій въ его глазахъ казался выше всѣхъ Епископовъ, пошому что менѣе всѣхъ ему поблажалъ. Импе-

---

*) Тамъ же кн. 3. гл. 6. 7.

***) Сокр. Исп. кн. 1. гл. 5 и 8.

раприца, его супруга, споль же прославилась своимъ благочестіемъ и благопворительностью. Сей духъ сохранялся въ ихъ родѣ, и обнаружился разительнѣйшимъ образомъ въ ихъ внукѣ, св. Пульхеріи, которая на 15 году своего возраста, вмѣстѣ съ двумя сестрами, дала Богу обѣщъ дѣвства, и, не оставляя дворца, вела жизнь споль уединенную, споль многотрудную и набожную, что современные писатели сравнивали сей дворець съ монастыремъ.

Въ семь-то училищѣ благочестія Пульхерія воспитала Императора Θεодосія, младшаго своего брата *). Онъ упражнялся въ пѣхъ же самыхъ подвигахъ, вставалъ весьма рано для пѣнія съ своими сестрами псалмовъ, молился много, ходилъ неопустительно въ церковь, и дѣлалъ для нея богатыя пожертвованія, часто постился, особливо въ среду и пятокъ. Онъ имѣлъ книгохранилище, состоявшее изъ книгъ церковныхъ, зналъ на память Св. Писаніе, и входилъ въ разсужденія съ Епископами, какъ бы человекъ ихъ званія; онъ питалъ къ нимъ глубокое по-

---

*) Сокр. Исп. кн. 7. гл. 22. Созом. кн. 9. гл. 1. Θεод. кн. 4. гл. 36.

чпеніе, и воздавалъ честь всѣмъ добродѣтельнымъ Христіанамъ. По его повелѣнію перенесены съ великимъ шоржеспвомъ моци многихъ Свяпыхъ, выспроено множество богадѣленъ и монастырей.

Пульхерія впрочемъ не однѣми дѣлами набожноспи его занимала; она спаралась сообщити ему свѣдѣнія во всемъ шомъ, что ему нужно было знати, какъ Императору. Для сего собраны были отличные учителя, изъ коихъ одни преподавали ему науки, другіе упражняли его въ конскомъ ристаніи и въ искусствѣ управляти оружіемъ. Его приучали къ терпѣнію зноя и спужи, голода и жажды. Сама сеспра показывала ему правила благоприличія въ одѣянніи, въ шѣлдвиженіяхъ, въ поступи; учила воздерживаться отъ хохота, выслушивать другихъ съ терпѣніемъ. Онъ сдѣлался власпелиномъ своихъ спрастей, любезнымъ въ общеспіи, мягкосердечнымъ и соспрадательнымъ.

Таковъ былъ Феодосій младшій, рожденный отъ царской крови, на воспокѣ, въ вѣкѣ самомъ развращенномъ. Императоръ Маркіанъ, его преемникъ, явилъ на пресполѣ то же благочестіе, ту же ревность по вѣрѣ

и, можешъ быть, еще въ высшей степенн. Въ доказательство довольно приведемъ на память его Сракъ съ св. Пульхеріею, заключенный на помъ условіи, чптобы царствовашь съ нею, не раздѣляя брачнаго ложа.

ОБРАЗЪ СТРОЕНІЯ ЦЕРКВЕЙ.

Какъ скоро Константинъ прекратилъ гоненіе: по, по сказанію Евсевія, вездѣ открылись освященія церквей и собранія Епископовъ *); Христіане начали сходиться повсюду, долѣ спояли за псалмопѣніемъ и литургіею; всѣ обряды Религіи совершались торжественнѣ. Приспужая къ описанію погдашняго Богослуженія, начнемъ повѣствованіемъ о церквахъ, сообразуясь съ памятниками, какіе доселѣ оспаются частію въ книгахъ, частію въ древнихъ зданіяхъ. Но замѣшимъ предварительнo, чпто въ то время уже не позволялось опправлять Божественную службу въ такой церкви, копорая не была освящена съ приличными обрядами, равно какъ совершашъ таинства индѣ, кромѣ церкви, и употреблять проспые, а не священные сосуды. То и другое ясно откры-

*) Евсев. Исп. кн. 10. гл. 3.

ваешся изъ доноса, сдѣланнаго прошиву св. Аѳанасія *).

Церковь спроилась, сколько можно, далѣе опъ прочихъ городскихъ зданій; была удалена опъ шума, и со всѣхъ споронъ окружена кельями, садами и зданіями, принадлежавшими самой церкви, чпо все заключалось внупри стѣнъ **). Съ самага начала опкрывались большія двери, вводившія въ периспиль, по еспъ чешвероугольную паперпъ, вокругъ коей были крышыя галлерей, поддерживаемыя сполпами. Подъ сими галлереями жили нищіе, имѣвшіе позволеніе просипъ милоспыню у дверей церковныхъ, а посреди паперпи находились одно или два водохранилища, для омовенія рукъ и лица предъ молишвами; за ними спояли сосуды съ свящою водою. Далѣе предспавлялся двойный входъ, вводившій шремя дверьми въ залу или свяпилище (basilicum): эпо была настоящая церковь. Я сказалъ, двойный, попому, чпо одинъ входъ былъ съ внѣшной, другой съ внупренней спороны. Близъ свяпилища ко внѣшной спо-

---

*) Аѳан. Апол. 1. стр. 684.

***) Евсев. Исп. кн. 10. гл. 4. Жизн. Констанпина кн. 3. гл. 34. 35 и пр.

ронѣ находились по крайней мѣрѣ два зданія: крещальня у самаго входа, за нею ризница или казнохранилище, раздѣлявшееся почасту на два отдѣленія (*secretarium, diaconicum*). Нерѣдко вдоль церкви спроились малыя кельи для помѣщенія шѣхъ, кои желали размышлять и молиться наединѣ.

Свяпилище раздѣлялось на три части, соопвѣпспивенныя его широтѣ, двумя рядами колоннъ, кои, поддерживая хоры по обѣимъ споронамъ находившіеся, оставляли между собою пространство, бывшее серединою церкви. Въ концѣ къ востоку находился престоль, а за нимъ мѣсто для священнаго сословія (*presbyterium, sanctuarium*). Сіе мѣсто имѣло видъ полукружія, кошорое облегалo заднюю спорону престола; вершина свода, его покрывавшаго, представлялась въ видѣ выемки, похожей на раковину (*concha*), а самый сводъ, въ видѣ дуги, назывался по Гречески *ἀβυσς*. Вѣроятно Христіане сначала подражали засѣданіямъ Іудейскаго Синедріона, въ коемъ судіи сидѣли полукружіемъ такъ, что среди онаго находился судія главный: Епископъ точно такое мѣсто занималъ за престоломъ. Онъ сидѣлъ посреди, имѣя

по споронамъ Священниковъ, и его сѣдалище (*θρονος*) возвыщалось предъ прочими. Всѣ сѣдалища вмѣстѣ назывались по — Гречески *συθρονος* (сопрестолие), по — Латинѣ *consensus* (засѣданіе), иногда же *tribunal* и *βημα*, поколику имѣли сходство съ судейскими мѣстами въ гражданскихъ судахъ. Мѣсто священнаго судища было возвышенно, и Епископъ по ступенямъ сходилъ съ него къ престолу. Съ передней спороны престоль обносился перегородкою, за копорою въ срединѣ церкви находилось еще другое опредѣленіе для пѣвцовъ, извѣстное у Грековъ подъ названіемъ *χορος*, у Латинянь *capelli* (крылось). Пѣвцы были изъ числа проспыхъ Клириковъ, опредѣлявшихся къ сему служенію. При входѣ на крылось споялъ амвонъ или возвыщенное мѣсто, на копорое восходили съ обѣихъ споронъ для общенароднаго чтенія. Если амвонъ былъ одинъ, то онъ находился посреди; но иногда, чптобы не загоразивать престола, дѣлали два амвона, одинъ по правую руку Епископа и по лѣвую народа для чтенія Евангелія, другой по другую спорону для чтенія Апостола; иногда

бываль даже прешій для чпенія Пророчеспвь.

Пресполь имѣль видъ обыкновеннаго спольа; онъ дѣланъ былъ изъ мрамора или порфира, иногда изъ липаго серебра и даже золота, украшеннаго драгоцѣнными камнями, иногда же и изъ проспаго дерева. Онъ спольяль на чепырехъ ножкахъ или небольшихъ сполбикахъ, одинакаго вѣщества съ крышкою, и поспаваляемъ былъ всегда на гробѣ какого нибудь мученика. Для сего или церковь спроили шамъ, гдѣ почиваль мученикъ, или, что чаще случалось, пѣла мучениковъ переносили на то мѣсто, гдѣ спроились церкви: опсюда-то ведешя доселѣ правило, чтообы не освацапъ преспольа бѣзъ нѣкопной часпи мощей. Пресполь, по совершени на немъ Евхаристіи, оспаваляся совершенно опкрытымъ, или сполько прикрываляся какою нибудь пеленою; поверхъ его ничего не было. Но въ послѣдспвіи времени спали утверждапъ на чепырехъ сполпахъ, соопвѣлспвующихъ его угламъ, родъ скиніи, копоя покрывала весь пресполь, и называлась чашею (ciborium), по причинѣ ея сходспва съ чашею, внизъ обращенною.

УКРАШЕНІЯ ЦЕРКВИ.

Все сіе украшалось великолѣпнымъ образомъ. Чаша и сполпы, сную поддерживавшіе, часпо бывали изъ чистаго серебра, и вѣсили до трехъ тысячъ марковъ. Между сполпами висѣли занавѣсы изъ дорогой матеріи, для закрыванія престола съ чепырехъ споронъ. Чаша украшалась живописью, или золопою и серебряною работою, какъ по изображеніемъ креста, и пр. Кромѣ того утверждали надъ престолами голубей изъ золопа или серебра, какъ для изображенія Святаго Духа, такъ и для того, чптобы шамъ хранишь запасныя дары; впрочемъ сіи дары хранились иногда и въ просныхъ сосудахъ, подобныхъ нашимъ дароносцамъ. Церѣдко вся дуга олшаря покрывалась серебромъ, или по крайней мѣрѣ мраморомъ, почно также, какъ и раковина. Колоны, раздѣлявшіе свяпилище, были мраморныя, съ капишелями изъ позлащенной меди; полъ въ ономъ выкладывался мраморомъ и расписывался.

Въ семь же мѣспѣ находилось великое число мозаическихъ изображеній. Эпо карпины, выкладываемыя разноцвѣтными часпица-

ми спекла или камня, и имѣющія по преимуществу предъ другими карпинами, что никогда не тускнупь. Сіе не значить, чтобы въ церквахъ не было другихъ живописныхъ изображеній; напрошивъ спѣны въ нихъ большею частію бывали расписаны. Тамъ представлялись различные предметы изъ вѣтхозавѣшной Истории, особливо бывшіе прообразованіемъ таинствъ новозавѣсныхъ, какъ на прим. ковчегъ Ноевъ, жертвоприношеніе Исаака, переходъ Израильскій чрезъ Чермное море, Іона брошенный въ море, Даніиль между львами. Тамъ видѣли во многихъ мѣстахъ образъ Спасителя и инокоторыя изъ Его чудеса, какъ на прим. насыщеніе пяпью хлѣбами пяпи тысячъ народа, и воскрешеніе Лазаря. По свидѣтельству Евсевія, Конспантинъ на площадяхъ Конспантинополя поставилъ изображенія Добраго Пасхья и Даніила между львами *); толь же писатель въ другомъ мѣстѣ увѣряеть, что въ его время съ первыхъ вѣковъ хранились изображенія Апостоловъ Петра и Павла и самаго Иисуса Христа, писанныя красками **). На-

*) Евсев. Жизн. Консп. кн. 3. гл. 49.

**) Евс. Исп. кн. 7. гл. 18. Впрочемъ Августинъ

конецъ въ каждой церкви изображалась исторія того мученика, коего мощи въ ней почивали. Въ примѣръ сего Пруденцій *) упоминаеть о св. Кассіанѣ и св. Ипполитѣ, а Асперій о св. Евфиміи. Сии историческія изображенія первоначально назначались для просвѣтаго народа, коему служили вмѣстѣ книгъ, какъ разсуждаеть Папа Григорій II въ письмѣ къ Императору Льву, предводившему иконоборцевъ. „Мущины и женщины, пишеть онъ, держа на рукахъ малолѣпныхъ новокрещенныхъ дѣтей, показывають имъ пальцемъ исторію, объясняють ее для юношей и приходящихъ язычниковъ; а чрезъ сіе назидають ихъ, и возносятъ ихъ умъ и сердце къ Богу.“ Подковныя двери украшались слоновою костью серебромъ или золопомъ, и всегда закрывались занавѣсами. У главныхъ дверей полагались мощи, отъ чего вѣрныя оказывали симъ дверямъ особенное уваженіе.

упривждаетъ, что во время Евсевія не было порицено снятыхъ съ самихъ Апостоловъ и Иисуса Христа, а были написанныя единственно по соображенію, какъ пишущія нынѣ.

*) Пруденц. о Вѣнцѣ, гл. 9.

Часть ризницы, называвшейся *diasonicum*, была доспримѣчательное зданіе, приспособляемое къ церкви. Тутъ хранились священные сосуды; по каковой причинѣ никто не смѣлъ шуда войти, кромѣ священнослужителей, имѣвшихъ право брать оныя въ руки. Тамъ же хранились книги, одежды священныя, приношенія вѣрующихъ, и иногда Святые Дары въ сосудѣ, обложенномъ слоновою костью. Другая часть ризницы, называвшаяся *secretarium*, походила на большой кабинетъ, или лучше, на залу, въ которую Епископъ входилъ съ своимъ клиромъ, для тайнаго совѣщанія о дѣлахъ, до Церкви касающихся, или для предуготовленія себя къ священнодѣйствию, какъ то извѣстно о св. Мартинѣ, который всегда, готовясь служить Литургію, посвящалъ здѣсь три часа на молитву.

Въ каждой церкви находилось великое число чашъ и блюдецъ, кои въ первыхъ вѣкахъ были чаще стеклянныя, нерѣдко впрочемъ серебряныя и золотыя, даже во времена гоненій. Церковныя чаши вѣсили по большей части три марка, а блюда до сорока пяти марковъ и вообще до тридцати.

Упопребленіе свѣчь не прекращалось; ихъ зажигали въ великомъ числѣ, даже днемъ, со множествомъ лампадъ. Доспойны вниманія упопреблявшіеся въ первенспвующей Церкви подсвѣчники, кои бывали часпо изъ золоша вѣсомъ до 37 марковъ, или изъ серебра вѣсомъ до 45 марковъ.

Крещальня спроилась обыкновенно круглая; среди ея находился водоемъ, въ копорый спускались по спупенямъ для погруженія въ воду. Въ послѣдспвіи спалъ замѣняпшь оную большій чанъ изъ мрамора или порфира; а наконецъ вошли въ упопребленіе уже настоящія купели. Крещальня украшалась живописью приличною шпайнспву крещенія, и убиралась многими золопными и серебряными вазами, служившими для хранения св. елея и для изливанія воды. Сии послѣднія часпо предспавлялись подъ видомъ агнцевъ, для изображенія Агнца, омывающаго насъ своею кровію, или еленей, для означенія неперпѣливаго желанія душъ, кои спремются къ Богу, подобно какъ елень, помимый жаждою, спремится къ испочнику, по словамъ Псалмопѣвца. (Псал. 41, 1.) Здѣсь видимъ былъ образъ Іоанна Креспителя и голубъ золо-

ыпый или серебряный, висѣвшій надъ св. банею; чрезъ что ясно изображалась вся исторія крещенія Иисуса Христа и дѣйствіе Святаго Духа, нисходящаго на воду крещенія. Нѣкоторые даже говорили: *Иорданъ*, вмѣсто того, чтобы сказать: *купель*.

Таковы, или подобны симъ были древнія церкви, и зданія онымъ соприкосновенныя.

ОТЛИЧІЕ ЦЕРКВЕЙ ОТЪ ХРАМОВЪ ЯЗЫЧЕСКИХЪ.

Несмотря на сіе, язычники укоряли Христіанъ, что у нихъ нѣтъ ни храмовъ, ни жертвенниковъ, ни изображеній, ни жертвъ, ни празднествъ,—и Христіане говорили имъ въ отвѣтъ: что храмы, жертвенники вещественные, кровавыя жертвы, недостойны Бога; что единственный образъ Его находится въ Его Сынѣ и въ душахъ разумныхъ, кои чрезъ подражаніе сему Сыну дѣлаются подобными Отцу; что они во всякое время и на всякомъ мѣстѣ приносятъ Ему жертвы хваленія на жертвенникахъ своихъ сердець, возжигаемыхъ огнемъ любви; наконецъ что истинные Христіане непрерывно празднуютъ,

опрекаясь временныхъ благъ, успокоиваясь въ чистой совѣсти, и восхищаясь упованіемъ безсмертія. Вотъ какъ они защищали себя противъ укоръ языческихъ. Они не говорили: и у насъ также есть храмы и жертвенники, только не по—вашему построенныя.

Въ самомъ дѣлѣ сіи слова имѣли у язычниковъ совершенно другое значеніе, нежели у насъ. Жертвенникомъ назывался каменный очагъ, споявшій предъ храмомъ или идоломъ, и всегда на открытомъ мѣстѣ; на немъ сожигалось жертвенное мясо, совершалось возліяніе вина, молока, меда и пр. Подъ именемъ храма разумѣлось зданіе круглое или продолговатое, имѣвшее определенную величину и определенныя украшенія, смотря по идолу, въ немъ находившемуся. Сіи зданія были по большей части пѣсныя, безъ оконъ, или съ узкими отвѣрстіями; въ нихъ вносились жрецами одни только дары, идолу посвящаемые; народъ туда не входилъ, а споялъ внѣ, около жертвенника.

Наши церкви болѣе походили на общенародныя школы или на залы судебныя, называвшіяся въ древности *базиликами*. Въ нихъ находилось возвышенное сѣдалище съ

каедрою Настоятеля, налой для чпеца, лавки для слушающихъ, книги и шкафы, лампы и подсвѣчники, споль (коего употребленіе мало извѣсно). Опъ сего Христіане давали мѣспамъ своихъ собраній имена *церкви, базилики, тасовни, дома* или *жилища Божія*. Рѣдко употреблялось ими названіе *храма*, и никогда (сколько извѣсно) названіе *капища* (*delubrum, fanum*).

Въ послѣдствіи времени церкви успроялись даже изъ храмовъ языческихъ, коль скоро сіи оказывались способными къ Богослуженію. Такъ въ Римѣ обращены въ цевки Пантеонъ, храмъ Минервы, храмъ супружескаго Счастія, и многіе другіе.

Церкви находились подъ щачательнымъ присмотромъ, и содержались во всегдашней опрятности. Иеронимъ хвалилъ Священника Непотіана за таковую попечительность, сказывая, что въ его церкви жершвенникъ всегда чистъ, спѣны не закопчены, полъ вымешень, ризница убрана, сосуды вычищены, и привратникъ безсходно стоишь у дверей. Всѣмъ симъ завѣдывали нижніе служители церкви, извѣстные подъ именами *дверниковъ, спароспъ, спорожей, ключарей*; само собою

разумѣется, что въ большихъ церквахъ, ихъ всегда имѣлось по-многоу. Изъ обряда рукоположенія, совершавшагося надъ дверниками, видно, въ чемъ состояла должность послѣднихъ. Они въ опредѣленные часы подавали знакъ къ собиранію на моливу, и слѣдовательно звонили въ колокола, когда сіи вошли въ употребленіе, т. е. въ седьмомъ вѣкѣ. Ихъ дѣло было оппираться церковь въ упомянутые часы, и сползать у дверей съ шѣмъ, чшобы не впустишь шуда кого изъ невѣрныхъ или оплученныхъ; они держали у себя ключи отъ церкви во всякое время, и смотрѣли, чшобы шамъ чего не пропало. Изъ Разговоровъ св. Григорія открывається, что старосшы церковные имѣли попеченіе объ освѣщеніи церкви. На нихъ лежала обязанность украшать церковь, иногда шелковыми обоями или другими дорогими матеріями, иногда лиспьями и цвѣтами; вообще дѣлашь сіе свяшое мѣсто способнымъ къ возбужденію благоговѣнія и Богомыслія.

ЧУВСТВЕННОЕ ПОМОГАЕТЪ ДУХОВНОМУ.

Подлинно шакъ. Хотя Религія Христіанская по существу своему ешь нѣчто внут-

реннее и духовное, однакожь Христиане, какъ люди, принимаютъ впечатлѣнія опъ чувствъ и воображенія. Можно даже сказать, что большая ихъ часть дѣйствуетъ и живетъ, руководствуясь покомъ сими впечатлѣніями: ибо сколь мало людей посвящающихъ себя чисто духовнымъ занятіямъ, да и шѣ самые коликими препяспвіями опъ оныхъ отвлекаются! И такъ благочестіе имѣетъ нужду въ чувственномъ подкрѣпленіи. Еслибы мы были Ангелы; то могли бы равно молишься на всякомъ мѣстѣ, на поржищѣ, на улицѣ, въ караульнѣ, въ шракширѣ, гдѣ угодно. Но мы имѣемъ чувства и воображеніе, кои раздражаются опъ малѣйшаго непріятнаго впечатлѣнія; посему можемъ ли спокойно споятъ на шакомъ мѣстѣ, копорое насъ развлекаетъ, или возбуждаетъ къ себѣ отвращеніе? Не Богъ имѣетъ нужду въ храмахъ и молишвенныхъ домахъ, а мы. Онъ равно присушествуетъ на всякомъ мѣстѣ, и всегда готовъ внимать намъ: но мы не всегда способны съ Нимъ бесѣдовать. Такимъ образомъ бесполезны храмы, имени Его посвященные, коль скоро они неспособны

вдыхашь въ насъ благочестивыхъ и набожныхъ чувствованій.

Въ самомъ дѣлѣ вообразимъ себѣ церковь, построенную на споль невыгодномъ мѣстѣ, что въ ней слышится шумъ съ большой дороги или поржища, и споль нечиспую, что входящіе не знаютъ, гдѣ спашь и гдѣ преклонить колѣна; вообразимъ припомъ, что она набиша народомъ, такъ что молящійся поминупно терпитъ шолчки отъ проходящихъ, и безпрестанно развлекается по дѣльми, по нищими всякаго рода; предположимъ, что глаза вспрѣчаютъ пашь одни непріятные предметы, спѣны закоптѣлыя, образа покрытые пылью, или какъ нибудь испорченные, и шому подобное; прибавимъ наконецъ, въ дополненіе къ вещамъ оскорбляющимъ чувства, опврашишельный запахъ и рознящіе голоса, поющіе нелѣпый концертъ: не правда ли, что удобнѣе со вниманіемъ молишься на опкрытомъ полѣ, или въ уединенной горницѣ, нежели въ такой церкви? Будь напрошивъ церковь хорошо выстроена, опряпна, спокойна, такъ чтобы каждый изъ присутствующихъ занималъ въ ней свое мѣсто, и благоустроенный клиръ совершалъ службу

съ опимѣннымъ благочиніемъ: тогда всякой расположенъ будетъ, со вниманіемъ слушать сію службу, и молился сердцемъ въ одно время съ устами. (1 Кор. 14, 15.)

Епископы первыхъ вѣковъ на все сіе обращали строгое вниманіе. По глубокимъ ли познаніямъ о человѣческой природѣ, или по собственнымъ наблюденіямъ и опытамъ, они знали, что благоустройство, величіе и красота предметовъ внѣшнихъ возбуждаетъ естественнымъ образомъ мысли благородныя, чистыя и правильныя, а слѣдовательно таковыя же и чувствованія, кои рождаются изъ мыслей; и что напрошивъ трудно душѣ заниматься хорошими предметами, когда чувства оскорбляются и воображеніе спраждесть. Понимая всю важность и необходимость благочестія, они старались способствовать ему всеми средствами. Для сего хотѣли, чтобы Божественная служба, наипаче Литургія, управляема была со всевозможнымъ великолѣпіемъ, и чтобы народъ, находившійся при совершеніи оной, пользовался всеми удобствами; чтобы онъ любилъ мѣста Богослуженія, и питалъ къ нимъ глубокое уваженіе. При всемъ томъ однакожь они

умѣли изгоняють опшуда мѣрскую пышность, щегольство, и все то, чѣмъ изнѣживается сердце и пресыщаются чувства: ибо не ласкають чувственности они хотѣли, но давали ей хорошее направлѣніе. Все сіе лучше объяснись, когда сдѣлаемъ подробное описаніе Литургіи.

Чинъ литургіи.

Литургія совершалась каждое воскресенье, и еще два раза въ недѣлю, и. е. въ среду и пятокъ, въ праздники мучениковъ, въ дни поста и въ другія времена, смотря по принятому обычаю каждой Церкви *). Кромѣ сего бывали Литургіи пѣныя по обѣщанію отъ частнаго челоуѣка или цѣлаго общества. Въ воскресные и праздничные дни Литургія начиналась въ три часа, въ дни поста гораздо позже, для того, что въ семь случаевъ пища принималась въ девять часовъ, по еспѣ, вечеромъ. По наступленіи срочныхъ часовъ народъ собирался въ главную церковь, дабы опшуда ишши съ Епископомъ и клиромъ на

---

*) Св. Епифан. Ерес. въ концѣ. Злапоуст. Бесѣда 25 на Еван. Іоанна.

мѣсто избираемое для Богослуженія. Ибо Епископъ поочередно служилъ то въ той, то въ другой церкви; и сіе-то хожденіе народа вмѣстѣ и въ порядкѣ было началомъ нынѣшнихъ церковныхъ ходовъ.

Между тѣмъ, какъ входили въ церковь и становились по мѣстамъ, пѣвцы пѣли Псаломъ двухорный, извѣстный доселѣ подъ именемъ входнаго. Діаконы и ихъ помощники, то есть, Иподіаконы и дверники, указывали каждому входившему мѣсто, для предошращенія замѣшательства *). По занятіи мѣстъ, всѣ молились нѣсколько времени молча: потомъ Епископъ привѣтствовалъ народъ, и въ заключеніе привѣтствія произносилъ возвышеннымъ гласомъ молитву, копорая ошъ того называется *сборною*, поелику собираетъ объшны ошъ всѣхъ вѣрующихъ.

Епископъ за симъ садился на свой престоль, копорый, находясь въ концѣ церкви, привлекалъ на себя взоры всего собранія. Здѣсь Пастырь являлся видимымъ образомъ Божества, и, говоря словами Апостола Павла, былъ образцемъ для своего стада, подобно какъ Иисусъ Христосъ былъ образцемъ

*) Послан. Апост. кн. 2. гл. 57.

для него самого. (1 Кор. 11, 1. 1 Тим. 4, 12. Тип. 1, 7.) Священники его окружали, сидя по правую и лѣвую сторону въ полукружїи свода; Дїаконы около него стояли. Такимъ образомъ церковь удивительное сходство имѣла съ шѣмъ раемъ, который видѣлъ и описалъ св. Іоаннъ въ своемъ Апокалипсисѣ. (См. Апок. 5, 1. 4, 2. 4.) Наконецъ множество вѣрныхъ, наполнявшее всю церковь, уподоблялось тому несметному числу блаженныхъ, кои въ бѣлыхъ одеждахъ и съ пальмовыми вѣтвями въ рукахъ воспѣвали громкимъ гласомъ хваленія Богу. (Апок. 7, 9.) Таковъ былъ внутреннїй видъ церковныхъ собранїй.

По занятіи каждымъ своего мѣста, чтець восходилъ на амвонъ, и читалъ сперва изъ Вѣххаго, потомъ изъ Новаго Завета, по естѣ, Дѣянїя и Посланїя Апостольскїя; ибо чтенїе Евангелїя предоставлялось Священнику или Дїакону. Дабы чтенїе сдѣлалъ болѣе занимательнымъ, и дать время народу на размышленїе, а чтецамъ на отдыхъ, чтенїе прерывалось пѣніемъ Псалмовъ, Анпифоновъ и пѣснїю Аллилуїа, которая съ тѣхъ поръ сдѣлалась предшественницею Евангелїа. Св.

Писаніе чипалось на языкѣ общенародномъ, по еспь, шакомъ, коимъ говорила большая часть жителей извѣстной спраны.

Поелику же были спраны населенныя разноязычными народами; по Церковь имѣла полмачей для исполкованія имъ Писанія. Мученикъ Прокопій исправлялъ сію должностъ въ Скиѳополѣ, Палестинскомъ городѣ, вмѣстѣ съ должностію чпеца и заклинашеля; чипанное на Греческомъ, онъ изъяснялъ на Сирійскомъ языкѣ, какъ природномъ для тамошнихъ жителей *). Иногда чпеніе производилось на двухъ языкахъ, какъ на пр. въ Церкви Римской, гдѣ послѣ чпенія на Латинскомъ языкѣ, чипали по же на Греческомъ, по причинѣ множесства воспочныхъ жителей, тамъ пребывавшихъ. Во многихъ изъ воспочныхъ Церквей доселѣ ведется сіе обыкновеніе; такъ на пр. прочипавъ Евангеліе на Сирійскомъ или Коптскомъ языкѣ, какъ древнѣйшемъ, чипаюшъ оное на Арабскомъ, копорый находится во всеобщемъ упопробленіи. Въ монастырѣ св. Θεодосія, въ Палестинѣ, было при церкви, гдѣ Богослуженіе совершалось на разныхъ языкахъ.

---

*) Евсев. о Мученикахъ Палест. гл. 1.

ПОУЧЕНІЕ.

За чтеніемъ слѣдовало поученіе. Настоятель изъяснялъ или Евангеліе, или другую часть Св. Писанія; онъ бралъ часпо цѣлую книгу, дабы изъяснялъ оную въ связи, иногда же избиралъ токмо нѣкоторыя предметы, отличныя по своей важности. Примѣры того и другаго рода поученій находятся въ бесѣдахъ и толкованіяхъ св. Василія Великаго, св. Амвросія, св. Іоанна Златоустаго, бл. Августина, и многихъ другихъ Опцевъ Церкви. Изъ сихъ древнихъ поученій видно, что порядокъ чтеній Писанія, и порядокъ празднествъ, установленныхъ въ память важнѣйшихъ событій земной жизни Іисуса Христа, былъ почти тотъ же, какой соблюдается нынѣ въ печеніе церковнаго года. Сохраненіемъ оныхъ поученій въ книгахъ попомспно одолжено или самимъ Опцамъ Церкви, или скорописцамъ, кои записывали оныя во время сказыванія, помощію извѣснаго древнимъ искусства.

Древніе проповѣдники слова Божія нимадо не походили на пусторѣчивыхъ Софистовъ, кои препирались между собою въ

школахъ, изъ суетнаго желанія оспорить и осмѣявъ другъ друга, ниже на шѣхъ, кои писали дома, съ намѣреніемъ показати свѣту свое просвѣщеніе и свои таланты. Это были Пастыри, занятые непрерывными дѣлами любви, между прочимъ и примиреніемъ враждующихъ. Они весьма часто проповѣдывали слово Божіе, почитая сію должность существенною для ихъ сана. Ибо въ первыхъ вѣкахъ Христіанства кромѣ Епископовъ не было почти никого, кто бы имѣлъ на сіе право. На востокѣ, правда, позволялось иногда проповѣдывать Священникамъ съ необыкновенными дарованіями, какъ на пр. Оригену; и на западѣ находимъ Феликса, который проповѣдывалъ въ Нолѣ, будучи еще Священникомъ: но сіи примѣры были споль рѣдки, что многіе св. Іоанна Златоустаго и бл. Августина считали первыми Священниками, получившими отъ Епископовъ право проповѣданія.

Нынѣшніе эспелики большую часть опещескихъ поученій находятъ далекою отъ понятія, составленнаго ими о церковномъ краснорѣчїи. Сїи поученія, говорятъ, слишкомъ просты, необработанны, безъ плана, безъ

тонкихъ доказапсельствъ, безъ любопытныхъ изслѣдованій; нѣкоторыя вовсе безъ движенія, большая часть весьма кратки. Но при семъ должно вспомнить, что св. Епископы не занимались суешнымъ желаніемъ слышь Орапорами, и не заботились о сочиненіи рѣчей; они хотѣли говорить просто, такъ какъ говорятъ оццы съ своими дѣльми, и наставники съ своими учениками. Опъ чего самыя поученія ихъ на греческомъ языкѣ назывались *Ομιλίαι*, на Латинскомъ *Sermones*, то есть, дружескіе разговоры. Они спарались научить, изъясняя Писаніе, не крипическимъ онаго разборомъ и учеными изысканіями, подобно какъ Грамматики изъясняли Гомера и Виргилія въ школахъ; но преданіемъ Опцевъ, направленнымъ къ укрѣпленію вѣры и созиданію нравовъ. Спарались пронуть не посредствомъ спрасте—возбудительныхъ фигуръ и сильнаго произношенія, но величіемъ самыхъ испинъ, ими проповѣдуемыхъ, важностію своего сана, святостию жизни и искреннимъ благорасположеніемъ. Часъто они говорили безъ пригопвленія; но, благодаря древнимъ скорописцамъ, и сіи изустныя поученія перещли въ попомство.

Слогъ Опеческихъ писаній былъ приспособляемъ къ понятію слушаателей. Такъ ученія Августина опличаются простотою, краткостію и удобовразумительностію; потому что онъ сказывалъ оныя въ небольшомъ городкѣ мапросамъ, земледѣльцамъ, купцамъ. Но въ его же спорныхъ сочиненіяхъ, особливо въ книгахъ прошивъ Юліана, видѣнъ глубокой знапокъ Реторики, обучавшійся сему искусству долгое время. Подобно сему св. Киприанъ, св. Амвросій и св. Левъ, бывшіе проповѣдниками въ большихъ городахъ, показываютъ и въ сочиненіяхъ своихъ болѣ великолѣпія и болѣ блеска. Что же касается до особенностей ихъ слога; то онъ происходитъ отъ особливаго свойства ихъ геніевъ, и отъ господствовавшаго вкуса ихъ времени. Ибо никакъ не должно приписывать предметамъ Вѣры ихъ недоспапковъ, въ коихъ новѣйшіе словесники упрекаютъ Опцевъ Церкви, именно, что они писали нечислымъ (лапинскимъ) языкомъ, приводили иногда слабыя доказательства, употребляли весьма легкія украшенія, съ шрудомъ изысканныя аллегоріи, игру въ словахъ, риторыи и ш. п. Это были недоспапки ихъ вѣка: еслибы

они жили во времена Цицерона, то и говорили бы его языкомъ.

Грековосточные Опцы по слогу ближе къ древнимъ классическимъ писателямъ: потому что на воспокъ языкъ менѣе былъ испорченъ, и долѣе удерживалось просвѣщеніе. Творенія сихъ Опцевъ соединяють силу съ пріятностію. Св. Григорій Назіанзенъ высокъ, и слогъ его числь; св. Іоаннь Злапоуспъ есть совершенный образецъ церковнаго Випшіи.

Онъ начинаеть обыкновенно исполкованіемъ дневнаго мѣста Писанія, спихъ въ спихъ, держась всегда смысла ближайшаго къ словамъ и назидательнѣйшаго для нравовъ; оканчиваетъ нравственнѣмъ приложеніемъ, которое иногда не имѣеть пѣсной связи съ предшествовавшимъ ученіемъ, но за то всегда приспособлено къ насюявшимъ нуждамъ слушателей, о копорыхъ узнавалъ предваришельно сей мудрый и бодрственный Пастырь. Извѣстно даже, что онъ нападалъ на пороки одинъ за другимъ, и не прежде преспавалъ какой либо изъ нихъ поражать, какъ испребивъ его, или ощушительнѣо обезсилить.

Поелику сіи проповѣдники не имѣли въ виду ни славы, ни другихъ временныхъ выгодъ: по единственною цѣлю ихъ поученій было обращеніе грѣшниковъ; и они ни во что вмѣняли свои шруды, если не успѣвали произвести какой либо весьма значительной перемѣны въ нравахъ. Такъ бл. Августинъ рѣшился вывести обыкновеніе давать въ праздники мучениковъ общій обѣдъ, бывшій для многихъ случаевъ къ невоздержанію; и, сколько закоренѣло ни было сіе обыкновеніе, онъ вывелъ оноѣ, показавъ народу ясныя мѣста Писанія, въ коихъ осуждается чревоугодіе, и не преставаая увѣщавашъ оный со слезами два дня сряду дошолъ, пока не убѣдилъ его совершенно. Подлинно, высокое краснорѣчіе, какъ онъ самъ нѣгдѣ говоритъ *), естъ не то, которое возбуждаешъ рукоплесканія, но которое налагаешъ молчаніе и извлекаешъ слезы.

Въ продолженіе сказыванія поученій церковъ опверста была для всѣхъ, даже для невѣрныхъ; по сей-по причинѣ Отцы первыхъ вѣковъ въ поученіяхъ своихъ не излагали съ подробностію шайнствъ вѣры, говорили о

*) Август. Христ. Ученіе, гл. 24.

нихъ прикровеннымъ образомъ, и дѣлали частыя обращенія къ язычникамъ, въ намѣреніи преклонить ихъ къ Христіанству. Во время сказыванія поученій слушающіе сидѣли порядкомъ, мужчины на одной споронѣ, женщины на другой *), а иногда, для большаго опдаденія, сіи послѣднія восходили на хоры; старѣйшіе изъ присушестввовавшихъ занимали первыя мѣста, опцы и мапери держали подлѣ себя дѣтей, впрочемъ только крещеныхъ; молодые люди слушали стоя, когда всѣ мѣста были заняты. Дѣло Діаконовъ въ семь случаевъ было непрерывно смонрѣль за порядкомъ, старались, чпобы каждый слушалъ со вниманіемъ, примѣчашь, не дремлетъ ли кто, не смѣется ли, не шепчетъ ли на ухо, не даетъ ли какихъ знаковъ другому, словомъ, наблюдать повсюду тишину и благопристойность. Въ Африкѣ впрочемъ, и нѣкопорыхъ другихъ мѣстахъ, народъ стоя слушалъ всѣ наставленія, по свидѣтельству Августина; каковъй обычай, какъ болѣе сообразный съ свяпостію мѣста, распроспранился вскорѣ и въ другихъ мѣстахъ. —

---

*) Посп. Апост. кн. 2. гл. 57.

IX.

О ДУХОВНЫХЪ ОПЫТАХЪ.

Три пущи къ познанію истины и къ увѣренности: разумъ, вѣра и опытъ. Разумъ въ основаніе своихъ изслѣдованій полагаетъ нѣкоторыя общія, всѣми принятыя и неоспоримыя положенія; онъ соединяетъ и сравниваетъ между собою извѣстныя истины, и изъ нихъ, чрезъ правильное послѣдованіе умозаключеній, выводитъ другія, которыя были или совсѣмъ ему неизвѣстны, или не довольно для него ясны; изслѣдываетъ первыя начала вещей, и изъ нихъ объясняетъ и доказываетъ оныя. Вѣра основывается на свидѣтельствѣ другихъ; она изслѣдываетъ повѣствованія, сообщаемыя ей о какомъ либо событіи, и достоверность свидѣтелей, сообщающихъ оныя; сравниваетъ различныя части повѣствованія между собою и съ тѣми обстоятельствоми, въ которыхъ должно было случиться повѣствуемое:—и если находить достоверную способность и искренность въ свидѣтеляхъ, и единство въ самомъ повѣствованіи; то признаетъ оное исти-

нымъ. Наконецъ опытъ доставляетъ намъ понятіе о предметахъ, чувствуемъ нашимъ подлежащихъ, или о тѣхъ впечатлѣніяхъ и дѣйствіяхъ, которыя они производятъ на наше зрѣніе, слухъ и на другія какія либо чувственные органы; посредствомъ его мы замѣчаемъ также и внутреннія движенія и перемѣны, происходящія въ нашей душѣ или тѣлѣ, и такимъ образомъ научаемся судить какъ о естественномъ, такъ и духовномъ или нравственномъ состояніи нашемъ. И такъ, если мы хотимъ довести познаніе свое до возможнаго совершенства; то мы должны вступить на всѣ сіи различныя пути къ познанію истины и къ увѣренности въ оной. Сіе полезно и необходимо не только въ отношеніи къ человѣческимъ познаніямъ, но и въ разсужденіи самой Религіи. Мы должны стараться, о каждой истинѣ, сколько позволяеть ея свойство и наши собственные обстоятельства, приобрести не только историческое, но и умственное и опытное познаніе. Чѣмъ многоразличнѣе имѣемъ мы доказательствъ въ разсужденіи какой-либо вещи; тѣмъ большую можемъ имѣть увѣренность въ оной,

и пѣмъ совершеннѣе можемъ успокоиться на помъ. Конечно, въ Религii есть такія истины, которыя мы уразумѣваемъ одною только вѣрою, и коихъ достоверность, по отношенiю къ намъ, основывается на однихъ историческихъ началахъ. Впрочемъ большая часть истинъ и самой Религii могутъ быть познаваемы и разумомъ и опытомъ; и въ семъ случаѣ мы, съ великою пользою, можемъ употреблять вмѣстѣ сии различные способы къ познанию истины. Откровенная Религiя преимущественно основывается на Исторii и на свидѣтельствѣ такихъ людей, которые жили за нѣсколько вѣковъ до насъ. Сии люди въ своихъ писанiяхъ повѣспвуютъ намъ о плачевныхъ слѣдствiяхъ, которыя грѣхъ оставилъ по себѣ въ человѣческомъ родѣ, и о мудрыхъ учрежденiяхъ, которыя содѣлалъ Богъ къ улучшенiю и возстановленiю онаго. Они открываютъ намъ совѣтъ и волю Всевышняго; показываютъ намъ, какого служенiя пребуемъ отъ насъ Богъ, и какимъ образомъ можемъ мы содѣлаться участниками въ Его благоспи, и наследниками блаженства вѣчнаго. Сии повѣспвованiя столько важны, что мы не можемъ

принимать ихъ безъ изслѣдованія. Посему намъ должно изслѣдывать свойство и достоверность свидѣтелей, на достоинствѣ которыхъ онѣ основываются, и чрезъ то увѣришься въ истинѣ оныхъ. Такимъ образомъ достигнемъ мы до познанія и увѣренности первымъ путемъ; шакъ родится въ насъ вѣра. Но наше познаніе будетъ гораздо совершеннѣе, оно будетъ яснѣе и прочнѣе, когда мы вступимъ на другой путь, и посовѣтуемся съ разумомъ. Хотя нашъ разумъ самъ собою никогда не могъ бы дойти до истинъ опкровенной Религіи; впрочемъ, получивши о нихъ свѣдѣніе, онъ можетъ судить о нихъ. Многія изъ нихъ онъ можетъ выводить изъ первыхъ началъ человеческого познанія; можетъ показывать намъ много-различную и шѣсную связь ихъ съ другими извѣстными истинами; можетъ уничтожать видимыя между ними пропироворчія, и доставлять намъ новыя доказательства ихъ вѣрности; можетъ наконецъ выводить изъ нихъ многія важныя и полезныя слѣдствія. Его согласіе дѣлаетъ сіи истины гораздо болѣе удобопріемлемыми, и наша увѣренность въ оныхъ становится чрезъ то гораздо несо-

мнѣнїе. Но и здѣсь мы не должны еще оспанавливаться. Мы должны, и въ отношенїи къ самой Религїи, вступишь еще на путь опыта, и собственнымъ нашимъ чувствомъ увѣришь въ истинѣ и превосходствѣ оной. Опъ сего опытнаго познанїя Религїи зависить все; ибо ничто не можетъ замѣнить намъ онаго, и всѣ другїе роды познанїя, не будучи соединены съ онымъ, не могутъ содѣлать насъ блаженными. Но въ семъ случаѣ мы должны быть весьма оспорожны, дабы не обмануть самихъ себя, и не попасть на такіе пути, копорые для насъ и для другихъ весьма опасны.

Дабы предосперечься намъ опъ такихъ путей, изложимъ сей предметъ нѣсколько подробнѣе, такъ какъ онъ имѣеть споль великое вліяніе на наше спокойствїе и блаженство, и сколько позволяеть краткость времени, представимъ оный въ яснѣйшемъ свѣтѣ. Ибо Спаситель нашъ утверждаетъ, что опытное познанїе Его ученїя есть самое дѣйствительное и вѣрное средство къ убѣжденїю въ Его Божественности. Онъ говоритъ: *Аще кто хочетъ волю Его творити,*

разумѣтѣ о ученіи, кое отъ Бога есть, или Азъ отъ Себе глаголю. Что другое внушаетъ Онъ намъ сими словами, какъ не сіе: если вы послѣдуете ученію, которое Я именемъ Божиимъ преподаю вамъ, и будете исполнять заповѣди Мои; то непременно почувствуете Божественную силу оныхъ, содѣлаетесь лучшими, и опытною узнаете, что мое ученіе имѣетъ небесное происхожденіе, и что Я говорю вамъ, не какъ простиый какой-либо учитель, но какъ Посланникъ Бога Вышняго. Такимъ образомъ Спаситель нашъ сими словами утверждаетъ, что можно приобрести опытное познаніе о истинѣ Религіи, и что это есть самое лучшее средство къ совершенному удостовѣренію въ оной. Но въ семъ случаѣ мы должны быть весьма осторожны, дабы не обмануть самихъ себя, и не попасть на шакіе пупи, кои для насъ и для другихъ весьма опасны. Для сего рассмотримъ природу и качество сихъ духовныхъ опытовъ, и вмѣстѣ замѣшимъ нѣкоторыя главныя правила, коими должно руководствоваться при сужденіи объ оныхъ, и кои могутъ предохранить насъ отъ обыкновенныхъ заблужденій,

Выраженіе, *духовный опытъ*, большею частію употребляютъ въ весьма неопредѣленномъ смыслѣ; и тѣ, кои особенно славятся онымъ, часто имѣютъ о немъ самое темное и ложное понятіе. Они усвояютъ сіе названіе каждому, нѣсколько сильному чувствованію, каждому необыкновенному движенію крови, не обращая вниманія на ихъ источники. Они смѣшиваютъ всегда опытъ съ мечтою, и на самыя естественныя перемѣны, происходящія въ душѣ или тѣлѣ ихъ, часто смотрятъ, какъ на нѣчто необычайное. Если они должны бываютъ изъяснять свои опыты, или показатъ образъ ихъ происхожденія; то стараются въ семъ случаѣ помочь себѣ тѣмъ, что все сіе выдаютъ за непостижимое. Но еслибы они гораздо лучше знали собственную свою природу, и образъ взаимнаго дѣйствія души на тѣло и тѣла на душу; то непостижимое, копорому они и другіе удивляются, очень много потеряло бы своей сокровенности, и они получили бы ясное понятіе о томъ, что почитаютъ совершенною тайною. Когда мы въ обыкновенной жизни говоримъ объ опытахъ: то каждый, разумющій языкъ, понимаетъ,

что мы хотимъ сказать чрезъ сіе; именно, симъ словомъ мы означаемъ то, что мы ощущаемъ дѣйствія нѣкоторыхъ вещей, и сознаемъ оныя. Такъ на пр. испытываемъ мы теплошу солнца, состояніе воздуха, силу вѣтра и проч., то естъ ощущаемъ ихъ дѣйствія на насъ, и перемѣны, производимыя ими въ нашемъ плѣхъ, и сознаемъ оныя. Приложимъ сіе и къ духовнымъ опытамъ,—и мы получимъ ясное и правильное о нихъ понятіе. Что они другое сущь, какъ не чувствованія благопворныхъ на насъ дѣйствій Религии и счастливыхъ перемѣнъ, производимыхъ ею въ нашихъ мысляхъ, сужденіяхъ, склонностяхъ, поступкахъ и удовольствіяхъ? Сіе понятіе ясно. Оно согласно съ природою души нашей: и если мы внимательнѣе рассмотримъ то, что называемъ духовными опытами, то увѣримся, что мы не иначе можемъ объяснить оныя. Скажемъ яснѣе. Догматы Религии имѣютъ не одну только силу просвѣщать, но также прогнать и убѣждать. Они должны улучшать не только нашъ разумъ, но и волю; должны очищать наше сердце, опредѣлять наши намѣренія и желанія, и побуждать насъ къ добрымъ и благимъ предпріятіямъ.

Если они производящъ въ насъ сіи дѣйствія; то наше познаніе дѣлается живымъ, или, что тоже, мы получаемъ опытное познаніе о силѣ догматовъ Религіи. Нѣкоторыя примѣры могутъ объяснить сіе лучше. — Представимъ себѣ, что какой-либо благочестивый Христіанинъ размышляетъ о милосердіи Божіемъ къ грѣшникамъ; съ благоговѣйною внимательностію шествуетъ по мудрымъ и благимъ путямъ, копорые Всевышній избралъ ко спасенію и возстановленію людей своихъ; удивляется величію любви Его, открывающейся въ оныхъ, и прилагаетъ сіе къ самому себѣ. И меня недостойнаго, думаетъ онъ, возлюбилъ Богъ; и на мнѣ явилъ милосердіе свое. Сія мысль прогааетъ его и исполняетъ сердце его искреннѣйшею взаимною любовію къ его небесному Благодарному. Такимъ образомъ онъ получаетъ опытное познаніе о силѣ того, что внушаетъ намъ Религія касательно любви Божіей. Почему? Потому что онъ чувствуетъ благодарныя дѣйствія, копорыя производящъ въ немъ представленіе оной, и тѣмъ побуждается къ благочестивымъ предпріятіямъ.

Такого же свойства и другіе догматы Религіи. Такъ, если размышленіе о гнусности и гибельныхъ послѣдствіяхъ грѣха, и о величайшемъ къ нему неблаговоленіи Божіемъ, возбуждаешъ въ насъ сильное обращеніе ко всему худому; если, напротивъ, размышленіе объ изяществѣ и красотѣ добродѣтели, о справедливости и превосходствѣ законовъ Божескихъ, и о великихъ обязанностяхъ нашихъ къ Творцу и Искупителю нашему, раждаетъ въ душѣ нашей сильную склонность ко всему доброму: по мы испытываемъ спасительную силу сихъ догматовъ. Если размышленіе о премудрости; всемогуществѣ и благости Бога, о святомъ и праведномъ Его правленіи, о Его опеческомъ попеченіи о добродѣтельныхъ, о свойствѣ и назначеніи насоящаго состоянія нашего, и о связи его съ будущимъ вѣчнымъ бытіемъ, облегчаешъ наши скорби, успокоиваешъ наше сердце, дѣлаешъ насъ терпѣливыми и твердыми въ несчастіи, и раждаетъ въ насъ упованіе на помощь Господа: по мы пріятнымъ опытомъ познаемъ силу такихъ побужденій къ упѣшенію, чувствуемъ всю силу подкрѣпленія, которое Религія достав-

ляеть несчастному. Слѣдственно духовные опыты вообще суть не что другое, какъ сознаніе спасительныхъ дѣйствій, которыя производятъ въ насъ созерцательныя, правдивныя и утѣшительныя истины Религіи. Дѣйствія же сіи рождаются отъ двухъ причинъ: *вопервыхъ* отъ естественной и собственной силы Религіи; *вовторыхъ* отъ особеннаго содѣйствія Духа Божія.

Догматы Религіи сами въ себѣ имѣютъ естественную силу, прогашъ и убѣждають своихъ исповѣдниковъ, и дають по или другое направленіе ихъ поведенію. Сію силу они имѣютъ обще со всѣми другими истинами. Какъ скоро мы о какой-либо важной истинѣ приобрѣтаемъ ясное, правильное, вѣрное и живое познаніе; по въ то же время она дѣлаеть болѣе или менѣе сильное впечатлѣніе и на наше сердце, производя въ насъ радость или печаль, надежду или страхъ, удовольствіе или непріятность, и побуждаеть насъ поступать сообразно съ приобрѣтенными нами познаніями. Но поелику догматы Религіи по существу своему гораздо выше и важнѣе всѣхъ другихъ истинъ; поелику они находятся въ выснѣйшей свя-

зи съ настоящимъ и будущимъ блаженствомъ нашимъ, и поелику достоинство и важность ихъ основывается на Божественномъ откровеніи: то они естественнo должны имѣть и гораздо большую силу—дѣйствовать на нашу волю; ибо невозможно, ясно и живо понимать ихъ, прилагать ихъ къ самимъ себѣ, и вмѣстѣ не чувствовать живости въ своихъ желаніямъ и обращеніяхъ (склонностямъ и несклонностямъ), и побужденія—слѣдовать своему знанію и поспавлять оное правиломъ своей дѣятельности.

Но сія естественная сила догматовъ Религіи увеличивается еще и особеннымъ содѣйствіемъ Бога, которое оказываетъ Онъ намъ для нравственнаго нашего улучшенія и для исполненія нашихъ обязанностей. Св. Писаніе научаетъ насъ, что Богъ часно ощущительнымъ образомъ дѣйствуетъ на сердца людей, и мудрыми путями провидѣнія своего приводитъ ихъ въ такое состояніе, что истина можетъ открываться въ нихъ во всей своей силѣ. Сіе особенно бываетъ въ началѣ обращенія. Тогда Духъ Господень посредствомъ слова своего, посред-

спвомъ нѣкоторыхъ благопріятспвующихъ обспояпельспвъ, въ которыя посспавляелспся человѣкъ, или другимъ какимъ либо неизвѣспнымъ для насъ образомъ, испребляелтъ глубоко укоренившіеся предразсудки грѣшника касательнo его служенія и испиннаго благочеспія, и чрезъ то уничпжожаелтъ препяпспвія, которыя доселѣ удерживали его опъ любви къ испинѣ и повиновенія оной. Мы должны такъже и въ другихъ важныхъ случаяхъ, которыхъ впрочемъ съ точноспію опредѣлилъ не можемъ, надѣяпсья особеннаго содѣйспвія Сущесства Всевышняго и вообще вѣрипсь, что Духъ Божій каждому испинному Хриспіанину всегда содѣйспвуелтъ свержъ-еспеспвеннымъ образомъ, какъ скоро обыкновенныя средства ко спасенію бываюптъ недоспапочны къ поддержанію колеблющейся его вѣры и ослабѣвающей добродѣтели.

И такъ, если и еспеспвенныя наши способности, и собспвенная сила догмаповъ Религіи, и особенныя дѣйспвія Свяпаго Духа соединяюпсь къ произведенію въ насъ того, что мы называемъ духовными опытами: то неудивительнo, что мы весьма часпo ошпбаемъся, когда должны бываемъ показатъ

существенную причину пѣхъ или другихъ чувствованій и переменъ, происходящихъ въ насъ. Мы не знаемъ ни образа дѣйствованія души, ни образа дѣйствованія Божія въ такой точности, чтобы во всѣхъ случаяхъ могли различить ихъ между собою, и достаточно образомъ объяснить оныя. Впрочемъ мы предохранимъ себя отъ многихъ заблужденій, правильнѣе будемъ судить о нравственномъ своемъ состояніи, и весьма много облегчимъ для себя упражненіе въ дѣлахъ Религіи, если возьмемъ во вниманіе слѣдующія замѣчанія и правила.

1. Мы должны не каждое доброе движеніе въ насъ считать за особенное дѣйствіе Святаго Духа. Правда, Богъ есть все во всемъ; Его содѣйствію всѣ творенія обязаны продолженіемъ бытія своего и своей жизни. Его промысль простирается какъ на духъ, такъ и на плѣло наше. Онъ поддерживаешь всемогущею своею волею силы души нашей, возвышаешь и укрѣпляешь оныя, когда и какъ Ему угодно. Отъ Него мы зависимъ во всемъ, и безъ Него ничего не можемъ дѣлать. Но не дѣйствуетъ непосредственнымъ образомъ тамъ, гдѣ обыкновенныя средства бы-

вають доспапочно; безъ важныхъ причинъ Онъ не производитъ ни одного чуда. Онъ поспуаетъ съ нами не какъ съ машинами, которыя пребууютъ всегда поспоронней силы, какъ скоро должны приппи въ соопвѣлспвенное своему назначенію движеніе, но какъ съ сущеспвами разумными,—хочеспъ, чпобы мы упопреляли дарованные намъ опъ Него способности. Посему кпо каждую, нѣсколькo живую мысль, каждое нѣсколькo сильное чувспвованіе, которое раждаетъ въ чувспвипельномъ сердцѣ при размышленіи о важныхъ испинахъ, почипаетъ слѣдспвіемъ непосредспвеннаго Божескаго вліянія; поспъ ясно показываеспъ симъ, чпо онъ не знаеспъ природы души человѣческой, привыкъ счипать непоспжимыми спинспвами шо, чпо можно изъяснить изъ причинъ еспспвенныхъ, и защипаетъ фанатическія положенія. Конечно мы должны, какъ мы уже замѣпили, за каждую добрую мысль, за каждое доброе дѣло наше благодарить Бога, какъ Опца свѣпа, опъ коего первоначально нисходящъ всѣ благіе дары: но мы не оказываемъ должнаго уваженія Святому Духу, подвергаемъ сомнѣнію наше благочеспіе, и пре-

зрѣнію самую Религію, если всѣ движенія въ нашемъ сердцѣ, которыя нерѣдко бывають довольно безпорядочны, и происходятъ изъ нечиспыхъ испочниковъ, приписываемъ Ему. Сіе ложное понятіе было поводомъ ко многимъ заблужденіямъ между Хрисціанами. Ослѣпленный онымъ во всѣхъ своихъ познаніяхъ, предпріятіяхъ и поступкахъ усмаприваетъ гораздо большее и важнѣйшее, нежели сколько дѣйствительно они имѣють въ себѣ: и обыкновенно таковыя люди усвояють себѣ нѣкоторый родъ непогрѣшительности; по крайней мѣрѣ, не могутъ перпѣть прекословія. Они думаютъ, что они никакъ не могутъ заблуждаться, слѣдуя внушренимъ своимъ побужденіямъ, и одно, *такъ мнѣ кажется*, гораздо болѣе у нихъ значить, нежели всѣ доказательства.

2. Мы должны вліяніе плѣснаго нашего сложенія и внѣшнихъ обстоятельствъ на благочестивыя наши упражненія и на нравственное соспояніе наше, тщательно опличать отъ дѣйствій Религіи и Святаго Духа, и не почитать онаго особенными духовными опытами. Мы знаемъ, что душа наша плѣснѣйшимъ образомъ соединена съ нашимъ

тѣломъ, такъ что каждая ошупительная перемѣна, происходящая въ тѣлѣ, необходимо производить подобную себѣ и въ душѣ. Когда всѣ члены нашего тѣла здоровы; когда смѣшеніе и движеніе соковъ происходитъ надлежащимъ образомъ; когда мы не чувствуемъ въ себѣ ни болѣзни, ни слабости: тогда духъ нашъ бываетъ способенъ къ исправленію должностей своихъ, можетъ свободно дѣйствовать, и мы безъ всякаго напряженія можемъ правильно, основательно и прекрасно мыслить. Тогда умъ нашъ управляетъ всѣми низшими способностями души нашей, и мы представляемъ себѣ истину, хотя въ ясномъ свѣтѣ, но безъ движенія сильныхъ страстей. Напротивъ когда безпорядочныя и необычныя перемѣны открываются въ нашемъ тѣлѣ: тогда измѣняется вмѣстѣ и образъ нашего мышленія, и душа наша начинаетъ дѣйствовать уже не такъ правильно, какъ она обыкновенно дѣйствуетъ. Если на прим. чувства наши получаютъ впечатлѣніе отъ пріятныхъ предметовъ; если мы находимся въ какомъ—либо прекрасномъ мѣстѣ, гдѣ вся природа открывается во всемъ своемъ величій, и гдѣ всѣ творенія на-

слаждаются веселиемъ; если наконецъ сердце наше настроивается исполненными чувствованій гармоническими звуками: то наши соки переливаются гораздо скорѣе, наша радость непрестанно увеличивается, наши мысли слѣдуютъ одна за другою быстрѣе, и сплавляются живѣе; и если мы размышляемъ тогда о высокихъ догматахъ Религии, то чувствуемое нами отъ того удовольствіе естественное должно быть чрезвычайно велико, и часто, по истинѣ, бываетъ восхищительно. Напротивъ, если наше плѣло находится въ разстройствѣ; если соки его застаиваются, кровь медленно течетъ въ жилахъ, сосуды вялы и слабы: то и дѣйствія души нашей бываютъ несоотвѣтственны сему состоянію нашего плѣла. Мы съ трудомъ можемъ тогда правильно и твердо мыслить; наши мысли медленно слѣдуютъ одна за другою и непрестанно прерываются; онѣ всегда имѣютъ въ себѣ нѣчто мрачное, и мы тщетно стараемся содѣлать понятія свои сколько ясными и живыми, каковыми онѣ были бы при другомъ состояніи плѣла. Самыя высочайшія и важнѣйшія истины мало дѣлаютъ на насъ впечатлѣнія. То-

гда, слушая или читая какія — либо превосходныя сочиненія, мы оспаемся почти нечувствительными и равнодушными; убагаемъ радостей и предаемся обладающему нами унынію. То же почти можно сказать и о внѣшнихъ нашихъ обстоятельствахъ. Если мы провоздаемъ необремененную заботами, тихую и спокойную жизнь, и можемъ наслаждаться удовольствіемъ дружества и пріятнымъ обращеніемъ: то, безъ сомнѣнія, наши мысли текутъ свободнѣе, наши чувствованія бываютъ радостнѣе, и мы съ гораздо большею пріятностію и удовольствіемъ занимаемся и самою Религією, нежели въ то время, когда бы заботы о пропитаніи угнетали насъ, когда бы мы находились въ низкомъ и пятгоспномъ состояніи, когда бы несчастія непрестанно одно за другимъ преслѣдовали насъ, или когда бы мы принуждены были обращаться большею частію съ печальными и унылыми людьми. Такъ великое вліяніе тѣлеснаго состоянія и внѣшняго состоянія нашего на дѣйствія души нашей! Не впадемъ ли же мы въ заблужденіе, если на сіи споль естественныя и споль удобоизъяснимыя переменны будемъ смотрѣть

какъ на сверхъестественныя приключенія? Не обманемъ ли мы самихъ себя, если оныя живыя мысли и радостныя чувствованія будемъ почитать непосредственными утѣшеніями Господа, или небесными восхищеніями? Не напрасно ли будемъ беспокоиться, когда равнодушіе и уныніе, которыя въ плѣсномъ разспроисвѣ имѣютъ свое основаніе, будемъ почитать дѣйствіемъ оставленія Божія и признакомъ Его къ намъ неблаговоленія и гнѣва?

3. Столь же мало должны мы нѣкоторый особенный степенъ живости чувствованій считать существенною частію духовныхъ опытовъ. Это послѣдній предразсудокъ многихъ Христіанъ, о которыхъ впрочемъ нельзя сказать, чтобы они не имѣли прямой любви къ добру. Они слишкомъ много мечтаютъ о плотскихъ и сильныхъ чувствованіяхъ, и думаютъ, что тайныя благочестивыя занятія ихъ не могутъ должнымъ образомъ совершаться безъ оныхъ. Чтобы душевное состояніе ихъ могло быть приятнымъ для нихъ: то ихъ съшованіе о грѣхахъ должно быть соединено съ горячими слезами; ихъ радость о Богѣ и своемъ спасеніи

должна быть восхитительна; ихъ желаніе блаженства вѣчнаго совершенно должно быть пламенно. Разумное опвращеніе опъ всего худаго и ненависть къ оному, добровольное и съ разсужденіемъ предпріятое намѣреніе, служить Богу и добродѣтели, тихое успокоеніе въ совершенствахъ и мудрою провидѣніи Всевышняго, и, наконецъ, исполненное надежды ожиданіе будущей славы для нихъ недоспапочно. Чпобы служеніе ихъ Богу могло быть удовлетворительнымъ для нихъ; по ихъ кровь должна участвоватъ въ ономъ, по крайней мѣрѣ, столько же, какъ и разумный духъ, если только не болѣе онаго. Какихъ тщетныхъ усилій не употребляютъ часпю таковые люди къ возбужденію въ себѣ оныхъ плотскихъ и сильныхъ чувствованій? Какъ озабочены, безпокойны и унылы бываютъ они, когда не могутъ ихъ довести до той степени живости, копорой они стараются достигнуть, и копорую нерѣдко почишаютъ совершенно необходимою? Такъ иной благочестивый, но преспый, мало-свѣдующій Христіанинъ молился на прим. въ своемъ уединеніи; онъ смиряется предъ Богомъ по причинѣ многоразличныхъ грѣховъ

своихъ, познаешь несообразное съ закономъ и поспыдное поведеніе свое, чувствуюешь мерзость заблужденій и грѣховъ своихъ, и взываешь ко Господу о помилованіи и прощеніи. Грѣхъ спановиися для него больше всего несноснымъ; онъ ничего болѣе не жelaеть, какъ содѣлаться свободнымъ и чистымъ отъ него; принимаетъ твердое намѣреніе, не ходить болѣе во слѣдъ похопей своихъ, но жить праведно, и всѣмъ сердцемъ рѣшается, охотно и вѣрно исполнять всѣ заповѣди Божіи. Такимъ образомъ онъ имѣетъ разумное и правильное опытное познаніе о силѣ, которую имѣють въ себѣ догматы Религій—возбуждаешь въ своихъ исповѣдникахъ покаяніе и вооружаешь ихъ пропиву зла; и онъ справедливо могъ бы успокоиться симъ и съ веселымъ духомъ помышлять о исполненіи благочеспиваго своего намѣренія. Но онъ слишкомъ привыкъ къ чувствивнымъ представленіямъ и ощущеніямъ, и пошому не можешь довольствоваться онымъ. Онъ не почувспвовалъ во время молитвы своей сильной скорби о грѣхахъ своихъ, не ощупилъ ужасовъ ада, слезы не текли по его желанію, увѣренность въ своемъ помилованіи не

была для него столько ощупительна и прогашельна, какъ это случалось съ нимъ въ другія времена и въ другихъ обстоятельствахъ. Все сіе приводитъ его въ сомнѣніе; онъ сокрушается о жестокомъ и безчувственномъ своемъ сердцѣ, жалуется на плачевное удаленіе свое отъ Бога, оставяетъ прежнія благочестивыя упражненія свои, и думаетъ, что Богъ отвратилъ отъ него лице свое, и совершенно оставилъ его. Сіи мысли повергають его въ чрезвычайное недоумѣніе; и благія дѣйствія, произведенныя въ немъ Религією, по крайней мѣрѣ на долгое время, остаются безплодными. Мучительныя заботы и скорби овладѣвають всею его душею; и онъ не прежде возвращаетъ себѣ спокойствіе, какъ ежели случится ему возбудить въ себѣ слезы, плотскія чувствованія и сильныя движенія, которыя онъ доселѣ тщетно старался возбудить въ себѣ. Тогда только, по его мнѣнію, испытываетъ онъ горечь грѣха; тогда вкушаетъ онъ миръ съ Богомъ и утѣщеніе помилованія; тогда онъ бываетъ въ такомъ состояніи, какъбы слышалъ самого Бога говорящимъ къ нему: *Отпускаются тебѣ грѣхи твои.* Но сколь мно-

го погрѣшительнаго въ семь поведеніи? Составляютъ ли какую либо важность въ Религии плотскія чувствованія и быстрое или медленное движеніе крови и жизненныхъ соковъ? Не ясныя ли и правильныя понятія, не добровольная ли и постоянная рѣшимость и усердное стараніе, послушаніе по ея заповѣдямъ, составляютъ главнѣйшую часть ея? Не въ духъ ли и истинъ должны мы поклоняться Богу? Не есть ли Богослуженіе Христіанъ Богослуженіе разумное? Должны ли мы спокойствіе, довольство и надежду свою утверждать на такихъ вещахъ, которыя зависятъ не отъ насъ, но отъ переменчиваго свойства нашего плѣа, нашего здоровья, вѣщнихъ нашихъ обстоятельствъ, и часто даже отъ случая. Должны ли мы исполненіе своихъ обязанностей, безъ всякой нужды, дѣлать для себя скучнымъ и тягостнымъ, и чрезъ то препятствовать своему возрастанію въ благочестіи. Должны ли мы жить во всегдашнемъ сомнѣніи и безпокойствѣ, и никогда не наслаждаться плѣмъ пріятнымъ спокойствіемъ, какое истинная добродѣтель доставляетъ послѣдователямъ своимъ? Нѣтъ! Чѣмъ разумнѣе, безмятежнѣе и спокойнѣе

наши испытанія силы Религіи, и чѣмъ менѣе примѣнено бываетъ къ нимъ чувспеннаго и случайнаго; тѣмъ онѣ вѣрнѣе и лучше.

4. Мы не должны ни собственнѣхъ опытовъ и чувствованій поспавлять правиломъ для другихъ, ни опытовъ и чувствованій другихъ поспавлять для себя закономъ. Дѣйствія, производимыя догматами Религіи въ различныхъ людяхъ, бывающъ, какъ уже изъ предъидущаго видѣнь можно, по различію ихъ темперамента, ихъ познаній и другихъ обстоятельствъ, хотя не въ существѣ своемъ, по крайней мѣрѣ въ степени и качествѣ, различны. Въ одномъ онѣ живѣе и чувспеннѣе; въ другомъ разумнѣе и духовнѣе. Многіе отъ природы имѣющъ мягкое и чувспенительное сердце; каждая вещь чрезвычайно прогааетъ ихъ; ихъ чувства и воображеніе всегда бывающъ живы и дѣятельны. Все сіе имѣетъ великое вліяніе на всѣ поступки ихъ. Размышляющъ ли они о грѣхахъ и заблужденіяхъ своихъ? скорбь проникаетъ всю душу ихъ, и опкрывается въ горячайшихъ слезахъ. Предспавляютъ ли они себѣ благость Божію, любовь Искупиателя, блаженство небесное? они какъбы перяются

въ пріятнѣйшемъ изумленіи, и радость ихъ увеличивается до восхищенія. Но не обманываются ли такіе Христіане, если воображаютъ себѣ, что степень ихъ сѣповавія и радости есть общій и существенный признакъ истиннаго Христіанства? Не опрометчиво ли поступаютъ они въ своихъ сужденіяхъ, когда всѣхъ шѣхъ почитаютъ необращенными и порочными, кои въ семъ отношеніи не могутъ быть подобны имъ? Мы никогда не должны дѣлать такого заключенія: „Что чувствуемъ или испытываемъ мы, то самое должны чувствовать, такимъ же образомъ и въ такой же степени, всѣ, желающіе быть истинными члениками Бога и Иисуса Христа.“—Сколь же мало должны мы и опыты другихъ пославлять для себя образцемъ подражанія. Многіе изъ истинныхъ Христіанъ, не соблюдая сего правила, подвергаютъ великимъ затрудненіямъ. Они читаютъ или слышатъ, что Іоаннъ или другой Святой во время покаянія своего находился въ глубокой и непрерывной печали, чувствовалъ необыкновенную скорбь, долгое время былъ безумнымъ, день и ночь плакалъ о грѣхахъ своихъ,—и тому подобное.

По недостаточности свѣдѣній своихъ, они думаютъ, что сіе составляетъ необходимую принадлежность истиннаго покаянія, и что и имъ должно по же испытать, дабы обращеніе ихъ было истинное. Посему они мучатъ себя доплѣ, пока совершенно, вопреки своей природѣ, не сравняются съ предположеннымъ образцемъ своимъ. Но заслуживаютъ ли таковыя вынужденныя и неестественныя чувствованія названіе духовныхъ и Божественныхъ опытовъ силы Религіи? Можно ли думать, чтобы сіи усилія пріятны были Творцу нашей природы, который пребуетъ ошъ насъ одного добровольнаго служенія и повиновенія Себѣ? Совсѣмъ нѣтъ! Хотя Онъ снисходитъ симъ слабостямъ; но онѣ несогласны съ Его волею, прошивны Его намѣреніямъ, и человѣку служатъ только во вредъ.

Наконецъ при сихъ духовныхъ опытахъ мы никогда не должны забывать о образованіи нашего разума и употребленіи ума. Это общая погрѣшность многихъ Христіанъ. Они столько бываютъ заняты возбужденіемъ въ себѣ плотскихъ чувствованій, и достиженіемъ того, что, часто лож-

но, называется у нихъ духовными опытами, что ни мало не заботятся о образованіи и усовершенствованіи благороднѣйшей части существа своего—разумнаго своего духа. Они предпочитаютъ сильныя вліянія крови тихимъ дѣйствіямъ разума, и бывають, кажется, погружены въ одно только чувство. Поэтому ихъ познаніе, большею частію, бываетъ темно и недоспапочно; умноженіе и усовершенствованіе онаго они считаютъ совершенно постороннимъ дѣломъ. Ихъ чувствования должны вознаграждать весь вредъ, происходящій отъ невѣжества и заблужденія; они думаютъ имѣть въ нихъ вѣрнѣйшихъ своихъ руководителей. Даже они презирають разумъ, и боясь пользоваться его внушеніями и свѣтомъ. Такое расположеніе духа есть прямой путь къ фанатизму и ко всѣмъ безпорядкамъ, къ которымъ онъ ведетъ людей. Ослабляя употребленіе разума, мы непрестанно находимся въ опасности, быть обманутыми собственнымъ сердцемъ своимъ. Опытъ и мечта весьма близки другъ къ другу: какъ же мы различимъ ихъ между собою безъ пособія и руководства просвѣщеннаго и опытнаго разсудка? И что будетъ вся

наша Религія и добродѣшель, когда она не основывается на познаніи и увѣренности? Можемъ ли мы бытъ свободны опть суевѣрія, дѣйствуя по однимъ только побужденіямъ, а не по началамъ? Безъ сомнѣнія, чѣмъ яснѣе наше познаніе и чѣмъ правильнѣе и основательнѣе научаемся мы мыслишь: шѣмъ спокойнѣе и порядочнѣе бывають и наши чувствованія, и шѣмъ разумнѣе и единообразнѣе и духовные наши опыты. Сіе же самое приближаетъ насъ и къ совершенству; доставляетъ истинное достоинство нашему Богослуженію и нашей добродѣтели; дѣлаетъ наше поведеніе согласнымъ съ самимъ собою, и мы дѣлаемся чрезъ то мало по малу способными къ шѣмъ числымъ и высокимъ благочеспивымъ упражненіямъ, которыми занимаются небожители.

Вошъ главныя правила, кои мы вразсужденіи духовныхъ опытовъ наблюдашь должны, если только хопимъ избѣжать суевѣрія и фанатизма. Но изъ сего не должно однакъ выводить такого ложнаго заключенія, будто все, что говорять о духовныхъ опытахъ, есть одна только мечта, и что одного простаго познанія Религіи достаточно къ

блаженству. Нѣтъ, погь не истинный Христіанинъ, кто не познаётъ опытною Божественной силы исповѣдуемаго имъ Ученія, и во всей своей жизни не обнаруживаетъ плодовъ онаго. Дабы наше познаніе, Христіане, могло содѣлать насъ блаженными, оно должно быть живое,—должно умѣрять наши желанія благъ земныхъ, очищать наше сердце, и всѣ наши склонности обращать къ благамъ достойнѣйшимъ; должно измѣнять, обновлять, улучшать насъ и управлять всѣми нашими дѣйствіями. Испытаемъ себя по симъ признакамъ, и не будемъ успокоиваться на внѣшнихъ преимуществвахъ и признакахъ Христіанъ. Если мы можемъ размышлять о грѣхѣ безъ ненависти и отвращенія, о добродѣтели и благочестіи — безъ уваженія и любви, о Благоспѣ Творца и Искупителя — безъ удивленія и благодарности, о радостяхъ небесныхъ — безъ сильнаго желанія оныхъ; если все сіе очень мало имѣетъ вліянія на наши предпріянія и дѣйствія: то мы принадлежимъ къ лицемѣрамъ, которые дѣлами опровергаютъ то, что исповѣдуютъ уснами. И если хотимъ избѣжать плачевной участи, ожидающей ликовыхъ въ вѣч-

ности; что откроемъ сердца наши спасительнымъ дѣйствіемъ Божественной Религіи. Будемъ исполнять всѣ ея заповѣди, и истину вѣры нашей—доказывать постояннымъ упражненіемъ во всѣхъ добрыхъ дѣлахъ. При паковыхъ занятіяхъ нашихъ спанемъ взывать ко Господу о всемогущей Его помощи, и тщатель-но осперегаемся, дерзкимъ сопротивленіемъ своимъ оскорблять Духа благодати. Тогда мы уразумѣемъ, какъ говоритъ Спаситель нашъ, что Его ученіе отъ Бога есть, познаемъ опытно, что оно имѣетъ силу, истинныхъ исповѣдниковъ своихъ дѣлаетъ добродѣтельными, святыми, спокойными, веселыми и блаженными. Оно подкрѣпитъ насъ во всѣхъ искушеніяхъ нашихъ, и упѣшитъ во всѣхъ несчастіяхъ. Оно не оставитъ насъ и при самой смерти; и мы нѣкогда достигнемъ дѣйствительнаго наслажденія тѣмъ великимъ блаженствомъ, которое оно обѣщаетъ намъ.

Х.

ЧАСЪ ИСКУШЕНІЯ.

Единъ Богъ совершенъ, безгрѣшенъ, святъ. Смертный, находясь въ непрестанной борьбѣ съ своими склонностями и похотѣніями, ежедневно подверженъ опасности грѣха. Но онъ долженъ стараться быть совершенъ, какъ совершенъ Отецъ его Небесный. (Матѣ. 5, 48.)

Вся жизнь человѣческая есть борьба души съ несовершенствомъ; но чѣмъ болѣе она борется, тѣмъ болѣе пріобрѣтаетъ силы къ одолѣнію, тѣмъ достойнѣе дѣлается своего бытія и безсмертія.

Въ каждомъ изъ насъ есть влеченіе къ грѣху; оно находится въ нашей плоти и крови, въ нашемъ темпераментѣ, въ нашихъ чувственныхъ склонностяхъ, въ нашихъ внѣшнихъ обстоятельствевахъ. Но въ каждомъ изъ насъ есть также влеченіе къ добродѣтели, къ святости; оно находится въ нашемъ разумѣ, въ нашемъ познаніи Высочайшаго Существа, и особенно въ томъ, что *любы Бо-*

жія изліяся въ сердца наша Духомъ Святѣмъ, даннымъ намъ. (Рим. 5, 5.)

Но плоть и кровь обращаются нѣкогда въ прахъ; одна душа вѣчна, и переходитъ за гробъ, для высшаго назначенія. То, что во мнѣ мыслишь и желаешь, не есть плоть и кровь; это та чудесная сила, которая должна господствовать и торжественно возвышаться надъ плотью и кровью. Слѣдовательно всякой грѣхъ есть явное проповорѣчье человѣческой природы. Душа, рожденная къ господствованію, спановилась работою бѣднаго праха, который со временемъ исплѣвается. Плоть и кровь, орудія духа въ семъ мірѣ, управляють духомъ, который долженъ управлять ими. Грѣхъ дѣлаетъ человека обыкновеннымъ животнымъ, которое слѣдуетъ однимъ только побужденіямъ своего плѣла.

Христіанинъ, посвященный кровью Іисуса Христа въ общество святыхъ, не долженъ быть рабомъ земныхъ своихъ склонностей и похотѣній; онъ долженъ господствовать надъ ними; его плѣло должно быть *рабомъ*, а его духъ, — *свободнымъ*.

Но Христіанская свобода не иное что есть, какъ самостоятельность души, ея не-

зависимость опть чувственныхъ похотѣній. Только попть свободенъ, кто поступаетъ не по законамъ чуждымъ—по законамъ плоти, копорая должна повиноваться душѣ, но по законамъ собственнымъ—по законамъ души, копорая должна господствовать надъ плотию. Посему, кто совершаетъ какое либо дѣло, вопреки собственному убѣжденію въ его грѣховности, попть поступаетъ не какъ свободный, но какъ рабъ, и становится плѣнникомъ грѣха.

И такъ мы, призванные Иисусомъ Христомъ для возвышенія нашей природы, должны непрестанно стараться о Христіанской свободѣ, должны неупомимо и твердо противоборствовать влеченію къ грѣху, или искушенію.

Искушенія приходятъ не опть Бога. Ибо какъ можетъ Богъ, опть взора копорого бѣжитъ всякой грѣхъ, и копорый послалъ Сына своего для искупленія насъ опть грѣха, какъ можетъ Богъ привлекать насъ ко грѣху?—Посему слова МолиТВы Господней: *и не введи насъ во искушеніе*, не значать: не привлекай насъ ко грѣху,—но: сохрани насъ

опъ всякаго повода къ грѣху, укрѣпи насъ прошиву прелести порока.

Человѣкъ есть самъ для себя искушитель; онъ побуждаетъ самъ себя къ грѣху, когда, забывая о Богѣ, о вѣчности, о высокому назначеніи своемъ, живетъ и чувствуетъ только тѣлесно, и дѣлаетъ не то, что почиаетъ правымъ и добрымъ, но то, что льститъ его чувствамъ, что угодно его низкимъ спрашьямъ.

Въ семь мѣрѣ, вліяніе тѣла на душу есть также велико, какъ вліяніе души на тѣло. Посему, доколь мы живемъ въ семь тѣлѣ, дополь должны прошивоборствовать непозволительному вліянію тѣла, должны мужественно опражать искушеніе къ грѣху.

Но въ часъ искушенія Христіанство являешся въ высочайшемъ блескѣ. Гдѣ нѣтъ подвига, тамъ нѣтъ и добродѣтели. Кто назоветъ добродѣтельнымъ хищника, которой, будучи заключенъ въ пемницѣ, не покидаетъ болѣе?

Часъ искушенія есть для Христіанина часъ торжества его Религии. Никогда не имѣетъ онъ лучшаго случая показать себя въ своемъ величїи, и испытать, какъ велич-

ко его мужество, какъ велика сила его благочестія, его независимость отъ міра.

Чась искушенія есть для Христіанина чась его духовнаго преобразованія, его прославленія. Онъ чувствуетъ свое назначеніе для неба; онъ приноситъ святымъ правиламъ своимъ жертву, которая бываетъ тѣмъ прекраснѣе, чѣмъ большаго стоить ему труда и самопобѣжденія.

Часы искушенія суть такіе часы, на которые Христіанинъ, при концѣ дней своихъ, озирается съ живѣйшимъ воспоргомъ; ибо они суть вѣрнѣйшіе поручители и свидѣтели о зрѣлости его духа для лучшаго міра. Воспоминаніе о сихъ часахъ воодушевляетъ его на смертномъ одрѣ такъ, что онъ радостно усремляетъ взоръ свой въ вѣчность, и можетъ сказать въ самомъ себѣ: „Благо мнѣ! и я подвигомъ добрымъ подвизался!“

Какъ мудрый полководецъ, исходя на одолѣніе непріятеля, не вдругъ вступаетъ въ сомнительное сраженіе, но прежде всего заботится о томъ, чтобы починѣ узнать непріятеля, и ослабить его силу, дабы тѣмъ вѣрнѣе одержать надъ нимъ побѣду; такъ и Христіанинъ,

Но какими средствами Христианинъ уменьшаетъ силу искушенія, дабы оспастья побѣдителя, по еспь, владыкою самого себя, достойнымъ послѣдователемъ своего Господа, неоскверненнымъ чадомъ Божиимъ?

Прежде всего онъ спарается позначь недоспашки своего темперамента, по еспь, пѣ порочныя склонности и навьки, которь особенно ему свойственны по его плѣсному сложенію. Ибо не познавь своихъ пороковъ и ихъ источника, онъ не можетъ имъ противоборствовать.

Испытывая себя, онъ скоро находитъ, что онъ опь природы вспыльчивъ или робокъ; болѣе склоненъ къ печали и огорченію, или къ легкомыслию и своевольству; болѣе склоненъ къ скупости и любоспяжанію, или къ суешности, чесполюбію и гордоспи; болѣе склоненъ къ суровоспи, жестокоспи, равнодушію къ нуждамъ ближняго, и радоспи о вредѣ его, или къ мягкоспи, изнѣженноспи и сласполюбію. Испытывая себя такимъ образомъ, онъ скоро замѣчаетъ, что сіи склонности не одинъ уже разъ были для него поводомъ къ большей части проспупковъ. Онъ

усмаприваетъ, какъ ему поступать должно, дабы содѣлаться болѣе совершеннымъ чело-вѣкомъ; узнаетъ язвы своей души, которыя исцѣлить долженъ.

Такъ изслѣдываетъ себя Христіанинъ, ко-торый заботится о своемъ улучшеніи. Онъ разсмаприваетъ всѣ свои пайныя желанія и побужденія, и такимъ образомъ скоро познаетъ всѣ непозволенныя и порочныя люби-мыя свои склонности. Тогда не сокрытъ оупъ него болѣе врагъ его блаженства, на-рушитель его душевнаго мира, пропивникъ его усовершенствованія. Онъ рѣшается пе-ремѣнить себя, рѣшается дѣлать пропив-ное шому, чего перебуютъ оупъ него нечис-тыя склонности. Ежели онъ былъ вспыль-чивъ; то рѣшается ничего не дѣлать и не говорить дополъ, пока гнѣвъ имъ обладаетъ, и мало по малу освобождается оупъ влады-чества сей спраспи. Ежели онъ былъ сует-ненъ и гордъ; то рѣшается быть впредъ крошкимъ и услужливымъ.

Вшорое средство, ослабитъ силу влеченія къ грѣху или искушенія, состоитъ въ про-спомъ благоразуміи, избѣгать всего шого, что можетъ насъ привлекать къ грѣху. На-

ши спрасити возрастаюць по мѣрѣ того, какъ мы даемъ имъ пищу. Безумно возбуждашь прелесць къ грѣху съ шѣмъ намѣреніемъ, чптобы послѣ подавить оную; опасно забавляясь могуществомъ порока. Мудрый Хрисціанинь убѣгаетъ искушенія.

Всѣ просупки и пороки челоѡка, копорыми онъ дѣлаешъ себя презрѣннымъ и ненависнымъ предъ другими, сущъ, если съ шочностию разсмотримъ, шолько слѣдствія худыхъ навыковъ. Какъ рука, копорую мы ежедневно наиболѣе упражняемъ, приобрѣтаешъ наконецъ большую предъ другою силу; шакъ усиливаются и склонности, копорымъ мы наиболѣе удовлетворяемъ.—Убѣгай искушенія; бѣги шого, къ чему побуждаешъ шебя безпорядочная склонность швоя, и она мало по малу, за недоспапкомъ пищи, ослабѣешъ, и шѣмъ удобнѣе будетъ побѣждаема.

Такъ проспо Хрисціанское искусство, освобождаяшъ душу опть постыднаго рабства чувствамъ, и возвышаяшъ ее къ неограниченному господствованію въ челоѡкѣ! Но для сего нужна швердая, рѣшишельная воля, Хрисціанская спрогость къ самому себѣ, а не ша обманчивая мысль, по копорой мы

позволяемъ себѣ еще разъ только сдѣлать проспунокъ, а послѣ никогда. Кто такъ думаетъ, тотъ уже добыча порока, добыча своей живою природою, и не способенъ къ высшему напряженію. Онъ впадаетъ въ пропасть, изрыпую самимъ собою.

Когда ударяетъ часъ искушенія, когда буря спраспей попрысаетъ всѣ наши благочестивыя правила, когда шумъ грѣховныхъ нашихъ склонностей угрожаетъ испребить присутствіе нашего духа, когда одна минута должна рѣшить нашу твердость или наше паденіе,—тогда добродѣтель находится въ горнилѣ испытанія, тогда нужно мужество къ тяжкому сраженію.

Что мнѣ дѣлать въ минушту искушенія, чтобы оспаться вѣрнымъ самому себѣ, моимъ правиламъ, ученію моего Искушителя, Творцу моему?

Ободришь, и сохрани присутствіе духа; безъ него гибель своя неизбежна. Когда уже свое сердце исповспвуетъ, когда буйная кровь спремится въ своихъ жилахъ, когда воспоминаніе о благочестивыхъ своихъ намѣреніяхъ зазмѣвается, когда наполняешь себя приманчивая мысль о чувспен-

номъ наслажденіи,—сохрани присущіе духа, чтобы послѣ не быть принужденнымъ, со стыдомъ сморгнуть на свою собственную слабость, и оплакивать свое малодушіе.

Но чтобы сохранить присущіе духа въ минушу искушенія, *развлеки себя!*—Успреми свое вниманіе къ другимъ вещамъ, не обращай своей мысли къ соблазнительному предмету; бѣги мѣста, которое можешь содѣлаться мѣстомъ позора и стыда для души твоей. Несчастнѣй! не думай, что ты не много испіешь сладкаго яда изъ чаши, которую грѣхъ подаетъ тебѣ. Одна капля его есть уже ядъ, и обуреетъ тебя. *Развлеки себя:* отврати твои взоры отъ мнимыхъ радостей, которыми порокъ старается очаровать тебя; испоргни изъ души своей образы, которыми надежда удовлетворенныхъ похотѣній хочетъ обольстить тебя.

Помысли о вездѣсущемъ Богѣ, который видитъ всѣ твои проступки и судитъ тебя; повергнись предъ Нимъ на колѣни, молись Ему, и воззови, какъ некогда Іосифъ: „какъ я совершу споль великое зло, и согрѣшу предъ Богомъ?“ (Быт. 39, 9.)—Помысли о гробѣ, въ который послѣдуютъ за тобою

всѣ свои добрыя и злыя дѣла. Помысли о гробѣ и о той минувшѣ, которая попотребуешь тебя предъ вѣчнаго Судію. Помысли о гробѣ и о будущемъ своемъ назначеніи, котораго лишишься ты намѣреваешься.—Помысли о томъ, что Богъ управляетъ міромъ, и что посему ни одинъ худой поступокъ не можетъ имѣть хорошихъ послѣдствій.—Помысли о раскаяніи, которое будетъ мучить тебя. Тщетно мракъ неизвѣстности покрываетъ твой просупокъ; онъ освѣщается яркимъ свѣпильникомъ твоей совѣсти. Минувнымъ наслажденіемъ ты покупаешь горестъ и плачь на цѣлыя годы.

Если искушеніе твое велико: то будь больше его, и помысли о высокой внупренней радости, которою наградишь себя побѣда надъ самимъ собою; помысли о небесномъ чувствѣ, которымъ будетъ наполнять тебя сознаніе, что ты пребылъ невиненъ, и сохранилъ сердце чистое и вѣрное Богу и вѣчности.

По истинѣ, побѣда надъ самимъ собою превосходитъ побѣды надъ цѣлымъ міромъ; да и самое приобрѣтеніе несравненно выше. Лавры завоевашеля міра засыхаютъ на его гробѣ; его почес-

ши и опличія не переходящъ за могилу. Но Христіанинъ, который, помышляя о высокомъ своемъ званіи, жилъ не для плѣсныхъ похотѣній, но для высшей цѣли, переходящъ, какъ сильный побѣдитель чувстввенности, въ царство славы; онъ удостоивается высшихъ степеней, высшихъ отношеній въ Божіемъ мірѣ. Смерть не можетъ у него похитить его стяженія; онъ уноситъ его съ собою въ вѣчность, гдѣ угошванъ для него вѣнецъ неплѣнный.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: info@axion.org.ru